

Е.Н. Старикова

К вопросу о соотношении обыденных и научных представлений о справедливости

Справедливость – очень сложное и многогранное понятие, которое исследуется в различных отраслях социогуманитарного знания. Соответственно, существует большое количество научных трактовок справедливости. Их различие связано как со спецификой предмета дисциплин, так и с конкретно-историческим контекстом анализа данной категории.

Достаточно типичным является следующее определение: «Справедливость – это нравственно обоснованный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которыми осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий» [1, с. 148].

В качестве основной социальной функции справедливости выделяется то, что она «обеспечивает соразмерность, сбалансированность и... симметричность взаимонаправленных действий субъектов, контролирует качества, которые, собственно, формируют общественное отношение как таковое» [2, с. 28].

В самом общем смысле справедливость понимается как «соответствие между деяниями людей и воздаяниями им же со стороны других людей, между практической ролью в обществе данного человека или группы и их социальным положением в том же обществе» [3, с. 44–46]. Она представляет собой «синтетическую научную категорию... которая намного теснее по сравнению с другими этическими категориями связана со всей системой экономических и оформляющих их правовых отношений» [4, с. 7], призвана выражать «социальное, политико-правовое и нравственное отношение к действительности с позиций должного» [5, с. 8].

Вместе с тем термин «справедливость» не является сугубо научным, он прочно закреплен в обыденном сознании, занимая там важное место. Универсальность, которой он обладает в области характеристики социальных явлений, обеспечивает не только широкое повседневное использование, но и постоянное изменение содержания, в том числе и под действием распространяющихся научных знаний. Приращение (равно как и редукция) смысла конституируется в ходе повседневных прак-

тик, что отражается, в свою очередь, на состоянии научной интерпретации.

Одним из наиболее уязвимых мест при исследовании справедливости остается переход между теоретическими построениями и описаниями распространенных в массовом сознании характеристик справедливости.

Стратегия его преодоления строится различными способами: через описание справедливости как ценности и определение ее места в системе ценностей населения [6, с. 153–157]; путем выделения уровней философской категории справедливости (общего, особенного и единичного), где первый является теоретическим, а последний – реальным, личностным [7]; декларацией снятия проблемы указанием на одномоментность теоретических и эмпирических исследований [8, с. 41–49].

Данные варианты объяснения связи между теорией и практикой имеют давнюю историю и уходят корнями в философский дискурс природы справедливости. К естественному для человека «врожденному чувству справедливости» апеллировали Ф. Бэкон, Д. Дидро, И. Кант, эту идею в правовом русле развивал И. Ильин. При этом «чувству» в скрытой или явной (как у Канта) форме противопоставляется «понятие» справедливости, которое человек приобретает значительно позже, а то и не приобретает вовсе, т.е. фактически учреждается разделение на тех, кто производит смыслы, и тех, кто их практикует.

Эта позиция часто подвергалась критике, прежде всего в контексте ее неэвристичности [9]. Вместе с тем поиск решения проблемы разрыва может лежать в качественно ином русле. Отказ модерна от версии Просвещения, согласно которой можно преобразовать мир «сверху», распространяя знания, несущие доброту и гуманизм, вызвал к жизни достаточно много ревизионистских в прямом смысле идей, в том числе и пересмотр атрибутики знания.

Социология знания, инициированная К. Мангеймом, положила начало качественно иной интерпретации знания. Принципиальным ее положением явился отказ от рассмотрения знания только как знания научного и обращение к механизмам возникновения и функцио-

нирования различных форм мышления. Внеаучное, и, прежде всего, обыденное, знание, таким образом, получило новую характеристику. Оно стало интерпретироваться как «фабрика значений», без которого не может существовать ни одно общество [10, с. 31].

Изучение механизмов совместной жизни людей предполагает выделение нескольких пластов взаимодействий по различным основаниям. Значительный интерес на протяжении веков вызывают те «невидимые нити», которые делают жизнь человека в обществе само собой разумеющейся, позволяют оценивать происходящее и координировать собственное поведение. Важность их учета и понимания для развития социологии убедительно доказывается в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Лукмана и других.

В современном научном дискурсе существует целый ряд понятий, с помощью которых объясняется функционирование структур обыденного сознания в обществе. «Взгляды», «репрезентации», «ментальность», «ценности», «представления» – только их часть. Одновременно здесь наличествует достаточно большое количество выражений, ставших клише, и «представления о справедливости» как одно из наиболее устойчивых и распространенных.

Причиной этого служит, конечно, популярность понятия «справедливость», являющегося универсальной характеристикой социального взаимодействия. Поэтому то, что люди подразумевают под справедливостью, и то, как они оценивают характер соотношения данных образов с действительностью, не может оставаться вне поля зрения при обращении к описанию взаимодействия людей и человека и общества.

Общество очень непросто определять только через наличие коллективности, объединяющей людей благодаря иерархии власти или обмену в соответствии с интересами. Потому что и власти, и интересам необходимо признание в качестве таковых. А для этого, подчеркивает С. Московичи, обществу нужны представления или ценности, придающие им смысл [11, с. 3–17].

Иными словами, легитимация массовым сознанием каких-либо институциональных порядков не сводится к простому повиновению. Легитимность порядка – это авторитетность, вера в его правомерность и справедливость, что, в свою очередь, предполагает абстрактные представления о правомерности и справедливости.

Данное положение используется и в методологическом основании концепции социальных представлений. Согласно ей, любые формы

убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, тем или иным образом являются социальными представлениями. Это «...общедоступные знания, формы мышления и действия в повседневной жизни, если угодно, здравый смысл, наука и идеология. Наука и здравый смысл, убеждения в целом несводимы одни к другим как некие формы понимания мира и отношения к нему» [11, с. 5]. Хотя здравый смысл меняет содержание суждений, он не замещается полностью теориями и научной логикой, эти явления рядоположены, и рассмотрение одних естественным образом подразумевает изучение других.

Исходя из этой логики, мы не только «реабилитируем» обыденные представления, но и признаем их неразрывную связь (через совместное конструирование социального пространства) с представлениями научными.

Некоторую сложность здесь вызывает сам термин «социальное представление», поскольку в отечественной психологии и философии долгое время имел смысловую нагрузку «воспоминающего созерцания», восходящую к идее первой сигнальной системы по И.П. Павлову (общей для людей и животных) [12, с. 96]. Новое наполнение постепенно входит в язык данных дисциплин и методологически подкрепляет адекватность обращения науки к внеаучным знаниям.

Это обстоятельство помогает разрешить и некоторые трудности семантического порядка, возникающие при исследовании вопроса достоверности знания о справедливости. Фактически обычно описываемая при введении в историю проблемы «эволюция представлений о справедливости» является перечислением воззрений, концепций и школ, частично нашедших свое отражение в современной науке [13]. Характеристика таких знаний (например, идей Платона, Августина Блаженного) как научных в современном значении этого понятия достаточно условна и зависит от имплицитно выраженного авторского толкования науки. Вместе с тем, постоянно повторяясь, этот прием дискурса приобретает определенную легитимность и не воспринимается как спорный, т.е. длительная история развития (вне науки) идей справедливости как бы обеспечивает им валидность через устойчивость.

В то же время относительная новизна обращения к представлениям о справедливости в обыденном сознании порождает у исследователей, по-видимому, ощущение разрыва поля достоверности знаний о справедливости. Происходит своеобразное «переключение регистра»: развивавшийся линейно, текст научной

работы становится параллельным. Сопоставление обыденных представлений с зафиксированными научными напоминает сличение с образцом, где теоретические положения априори означаются как более верные.

Причины таких практик, на наш взгляд, большей частью лежат в плоскости позитивистских и часто, как следствие, сциентистских установок значительной части ученых. В результате их реализации «здоровый смысл» как источник представлений о справедливости приобретает симптом явной «недостаточности» по отношению к знанию научному.

Данная ситуация дает предвидеть следующее далее объяснение введения термина «социальная справедливость»: форма существования справедливости как объекта изучения – конструкт, представления о ней, однако природа/традиция научного знания не позволяет однозначно признать это. Взамен учеными предлагаются (и используются) понятия меньшей степени общности, такие, например, как «философская категория». Однако меньшая степень абстрактности предполагает более узкий спектр применения, поэтому описание идей, выраженных в обществе, требует новых обозначений – прежде всего, социальной, т.е. в прямом смысле слова общественной справедливости.

Вместе с тем отход от сциентизма, заметно проявивший себя в последней четверти XX в., принес признание принципиально иного взгляда на проблему связи научного и обыденного знания. «Повседневные знания здравого смысла всегда несут человеку большую часть знаний, которыми он располагает; наука и техника, не колеблясь, заимствуют у него в случае надобности понятия, образы, конструкции» [11, с. 6]. Таким образом, сравнение данных форм представлений о справедливости теряет смысловую нагрузку измерения достоверности. Акцент переносится на фиксацию их многообразия и «распутывание» противоречивых представлений обыденного сознания с помощью более строгих (не обязательно – истинных) научных представлений.

Наиболее логично и последовательно такой подход может быть развернут прежде всего в русле социологического знания. Его эвристическая ценность была достаточно наглядно продемонстрирована при анализе результатов лонгитюдного проекта «Пути поколения» и в докторском диссертационном исследовании С.И. Григорьева [14].

Комплексное рассмотрение представлений о справедливости реализовалось через сопоставление научных трактовок (философско-эти-

ческих, правовых, экономических и социологических) и интерпретаций справедливости, распространенных в различных формах общественного сознания (в религии, искусстве, идеологии, обыденном сознании). Это позволило выделить еще один важный аспект в изучении справедливости – механизм ее действия. Он тесно связан с механизмом жизни общества, характеризует его и, одновременно, описывает существующие в конкретных социальных пространственно-временных рамках нормы.

Соответственно, четко констатировалась связь действия механизма справедливости и представлений о ней, обозначаемая как «взаимообусловленность, в силу того, что представления о справедливости не только отражают ее реальное бытие, но и творят его» [14, с. 61]. Таким образом, через активизацию динамического аспекта категории, принципиальное значение приобретает исследование изменения представлений о справедливости.

Фиксация сущностных характеристик данного процесса позволяет более точно описывать то, что происходит с обществом, улавливая еще не проявившиеся манифестно в поведении тенденции. С этой точки зрения социологический мониторинг представлений о справедливости повышает уровень реализации прогностической и управленческой функций науки.

Однако успешное исследование изменений представлений о справедливости в общественном сознании (и прежде всего – обыденном) как наиболее отвечающее условиям исполнения данных функций, в связи с постулатом о связанности форм знания, предполагает также обращение к научным представлениям о справедливости. Уже упоминавшийся их методический потенциал в данном случае может использоваться для создания системы своеобразных «гиперссылок», т.е. учитывая сложный, зачастую противоречивый характер обыденного сознания, необходимо применять научные знания для указания на возможные связи понятий внутри обыденных представлений.

Проведенный анализ категории представлений позволяет на основе интеграции и адаптации составляющих аттитюдов и сознания выделить структуру представлений о справедливости [15]. Она включает в себя два основных блока: когнитивный (знания о справедливости, содержательная компонента) и аффективный (отношение к справедливости, эмоциональная компонента).

В связи с глубокими социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, качественным изменением многих общественных

характеристик, продолжающимися процессами дезинтеграции представления о справедливости носят противоречивый характер и отличаются заметной дифференциацией [16, с. 37]. Наибольший вес при исследовании в подобных условиях приобретают социологические интерпретации справедливости. Они описывают не собственно специфические для каждой сферы общественной жизни взгляды, а, скорее, их роль в обществе.

Как показывает проведенный анализ, именно для социологического изучения справедливости наиболее актуально обращение как к научному, так и обыденному уровню существования категории. Понятием, интегрирующим оба аспекта, выступает представление, которое позволяет наиболее полно отразить имеющиеся у субъекта научные и вненаучные знания о справедливости.

Кроме того, представления дают возможность охарактеризовать не только знания, но и чувства, которые вызывает справедливость. Н.С. Сыроед, раскрывая положение представлений о справедливости, доказывает, что «с чувствами представления объединяет невозможность существования вне субъекта, со знаниями – способ формирования на основе опыта и понимания представляемого явления.

Представления о справедливом и несправедливом, как правило, эмоционально окрашены. Оформившиеся социальные представления свидетельствуют о постижении субъектом социального смысла представляемого явления, становятся средством освоения мира» [17, с. 34].

Влияние, которое приобрели в течение XX в. обыденное сознание и массовая психология на общественное развитие, воздействовало на увеличение интереса к этому уровню осмысления проблемы справедливости. Отмечая это, исследователи также акцентируют внимание на совершенно новых масштабах и способах манипулирования этим уровнем, которые тоже стали возможными в прошлом столетии, постепенно сделавшись привычными – как рекламная кампания или предвыборная политехнология [18, с. 16].

Результатом данного процесса стал своеобразный структурный сдвиг в области анализа категории справедливости. Из прерогативы философского знания она превращается междисциплинарную тему, с явно выраженным социальным значением. Кроме того, значимость знаний о соотношении научных трактовок и реальных смыслов, вкладываемых в справедливость, предоставляет социологии дополнительное поле исследований.

Литература

1. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980.
2. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977.
3. Агудов В.В. Научный аспект содержания понятия «справедливость» // Свобода и справедливость: Диалог мировоззрений. Нижний Новгород, 1993.
4. Роговин В.З. Социальная справедливость и распределительные отношения // Социальные ориентиры изменяющегося общества. М., 1992.
5. Социализм: социальная справедливость и равенство / Под ред. А.П. Бутенко. М., 1988.
6. Малышев С.И. К вопросу о современном содержании концепций справедливости // Молодежь и современный мир. М., 1992.
7. Святохина Г.Б. Социальная справедливость: актуальные проблемы и пути их решения в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 1998.
8. Назаров М.М. Социальная справедливость: современный российский контекст // Социс. 1999. №11.
9. Гринберг Л.Г., Новиков А.И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л., 1977.
10. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
11. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №1.
12. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 96.
13. Кузьмина А.В. Нравственные аспекты либеральной концепции справедливого общества и морально-политической философии Дж. Роулса. М., 1998.
14. Григорьев С.И. Представления о социальной справедливости и механизмы ее осуществления в современном советском обществе (опыт изучения и обоснования целесообразности социологического исследования проблемы). Вильнюс, 1989.
15. Зимбардо Ф., Лайппе М. Социальное влияние. СПб., 2000.
16. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
17. Сыроед Н.С. Теоретико-методологический анализ категории справедливости. Владивосток, 1997.
18. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 1999.